

УДК 339.977

О. В. Иншаков, Д. П. Фролов

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА (размышление над новым экономическим журналом)

Рассматриваются параметры тенденции эволюции экономического пространства, логика и динамика воспроизводства его эндогенных компонентов — факторов производства: человеческого, технического, природного, институционального, организационного и информационного.

Пространственная экономика, экономическое пространство, факторы производства, условия хозяйства, ограничения, ресурсы.

Весной 2005 г. увидел свет первый номер специализированного научного журнала «Пространственная экономика». Новое издание, выходящее под эгидой Дальневосточного отделения РАН, посвящено теоретическим и прикладным проблемам пространственного развития хозяйственных систем.

В редакторской статье П. А. Минакир справедливо утверждает, что «при принятии любого решения в экономике, на каком бы уровне оно и принималось... всегда приходится отвечать на вопросы не только «что» и «сколько», но и на вопрос «где». Естественно, что от ответов на эти вопросы в равной степени зависит конечный результат, т. е. скорость изменения богатства (дохода) и его распределение в пространстве» [16, с. 5].

Неслучайно современный экономический эволюционизм так талкивается тезисом о том, что любая хозяйственная деятельность «соотносится с определенным временем и местом, а потому важным аспектом эволюционных систем

© Иншаков О. В., Фролов Д. П., 2006

Иншаков О. В., Фролов Д. П. Экономическое пространство и пространственная экономика. Размышление над новым экономическим журналом // Экономическая наука современной России. 2005. № 4 (31).

является учет пространственных зависимостей. С прогрессом в условиях транспортировки и связи взаимодействие между различными экономическими переменными становится в значительной мере зависимым от расположения в пространстве» [7, с. 223].

Взаимодополняющие тенденции регионализации и глобализации хозяйственной деятельности непосредственно связаны с эволюцией механизмов локализации условий, ресурсов и факторов производства в экономическом пространстве, определяя эффективность его использования.

Неравномерность распределения экономических условий и ресурсов хозяйствана макро- и мегарегиональном уровне глобального пространства выражается в перманентном обострении экономических противоречий – между центром и периферией, Севером и Югом, городом и деревней, метрополией и провинциями, элитой и маргиналами и т. д. Необходимость изучения механизмов, позволяющих разрешать такие все более угрожающие противоречия, определяют актуальность нового научного издания и своевременность его появления.

В поисках эффективной модели устойчивого развития отечественного хозяйства внимание исследователей логично все более фокусируется на «доме», на своем пространстве человеческой жизнедеятельности. Дом – хозяйство – базовые институты человеческого общежития. «... Это ритм одновременно горизонт, и режим человеческой жизни, которая производится в таком виде тысячелетия» [14, с. 72] как своеобразная социально-генетическая программа. И поэтому неслучайно структура журнала «Пространственная экономика» начиная с его первого номера отражает хозяйственно-пространственное единство трех аспектов: эффективного ведения, или функционирования; выяснения его структуры и законов; осознания смысла и эволюции [8, с. 51].

Экономия, или «ведение дома», практически воплощается в деятельном отношении человеческого бытия к пространству, отражая эффективность функционирования хозяйственной системы, ее внутренних трансформаций и трансакций, их устойчивости по отношению к элементам и связям внешней среды. Теоретическая экономия изучает способы эффективного ведения хозяйства, а экономика – это практическая, реальная система ведения «человеческого дома», или ведомое хозяйство. Поэтому недопустимо редуцировать понятие экономии к минимизации затрат в ходе деятельности и вместе с тем расширительно употреблять термин «экономика» для обозначения особой науки, и ее предмета.

Ведение хозяйства непосредственно связано с современным освоением определенного пространства, с извлечением из этого пространства пользы при наименьших затратах времени как наиболее ограниченного ресурса жизни человека. Человеку необходимо полезное пространство, поэтому он непрерывно ба-

лансирует между полюсами извлечения максимума пользы из ограниченного пространства и минимизацией затрат (в том числе времени) его использования. Взаимодействие пространства во времени находит свое воплощение в эффективности хозяйствования как собоговида движения, которое измеряется отношением своего полезного пространства во времени его освоения или затрат на этот ресурс своей жизни.

Поэтому в первом, наиболее общем приближении под экономическим пространством будем понимать пространство, в котором ведется хозяйство. Производя определенные затраты труда, человек присваивает и отстаивает свое пространство посягательства в пространстве ведения своего хозяйства, осваивает в нем, сам развиваясь через создаваемые продукты и вовлечение в процесс новых факторов производства. Поэтому экономическое пространство характеризуется стоимостью и полезностью, имеет меновую стоимость, цену и ценность, выражается в издержках и доходах, нуждается в инвестициях и сулит прибыль. Можно говорить даже о проблеме экономического выбора между пространством во времени, ведь интенсификация использования пространства во времени явно предполагает предпочтение коммерческой эффективности и может быть сопряжена с манкированием интересами конкретных групп населения, живущих на определенной территории [16, с. 5]. Но хотя «сегодня правят как раз те люди, которые максимально приблизились к возможности мгновенного перемещения, т. е. реально получили контроль над временем» [18, с. 12], с точки зрения общества в целом представляется недопустимым игнорирование конкретных характеристик качества и интенсивности изменения конфигураций производств субъектов в глобальных контурах экономического пространства, а также его насыщенности силовыми полями политического и рыночного влияния.

Параметры тенденции эволюции экономического пространства отражают логику и динамику воспроизводства его эндогенных компонентов — факторов производства: человеческого (A), технического (T), природного (M), институционального (Ins), организационного (O) и информационного (Inf). Первые три фактора образуют трансформационную группу, а три вторых относятся к трансакционным. Набор этих факторов является инвариантным для хозяйственных субъектов и систем любого уровня, масштаба и сложности, поэтому производство любого продукта (Q) может быть представлено как функция (F) взаимодействия его факторов: $Q = F(A, T, M, Ins, O, Inf)$. Все эти факторы являются специфическими компонентами человеческого бытия только в реальном взаимодействии в процессе живого труда. В этом смысле экономическое пространство предстает особым видом жизненного пространства, который создается особой системой отношений между людьми в трансформациях и трансакциях факторов.

Традиционно считалось, что производственная функция состоит только из

взаимодействующих трансформационных факторов, что на наиболее ярковоплотилось в трехфакторной модели (труд, земля, капитал). Это давно уже признается недостаточным, так как доказано, что производство в равной мере есть активное соотношение как трансформационных, так и трансакционных факторов. Трансакционные факторы, также как трансформационные, отчуждены от индивида, существуют вне его и имеют опосредствующие звенья в лице общества, с одной стороны, и соответствующих материальных носителей — с другой. Такой подход позволяет преодолеть традиционное отделение производительных сил от производственных отношений, ведь последние, по существу, также являются производительными силами, выступая в предложенной модели как трансакционные факторы.

Трансформационные характеристики экономических пространств, или их материально-вещественная структура, выступают основой их дифференциации, например, на макроуровне трансформационные факторы представлены соответственно показателями человеческого потенциала, уровня технологического развития, величины и стоимости природных ресурсов [19, с. 91–162]. Такие эндогенные компоненты экономических пространств в восточном направлении демонстрируют различия. Важно, что одинаковых по трансформационным характеристикам хозяйственных пространств не существует, поскольку каждый человек (A) уникален, а природные ресурсы (M) разных территорий широко варьируются по количеству и качеству, определяя специфичность применяемой людьми техники (T) для их освоения. Однако это не отрицает возможности типизации.

Трансакционные характеристики, формирующие социально-политическую структуру экономических пространств, предстают базой их интеграции. Пространства, значительно различающиеся по количеству и качеству трансформационных факторов, объединяются в страны и регионы общими институциональными основаниями — правом, традицией, историей, религией, культурой, языком и т. д., что делает их трансакционноаналогичными. Такая ситуация характерна для крупных государственных образований современности, например США и России, штаты и регионы которых зачастую не сравнимы между собой по материально-вещественным характеристикам, но обладают одинаковым административно-правовым статусом, а их жители обеспечиваются одинаковым уровнем жизни в разных штатах/регионах в институциональных условиях жизнедеятельности.

Объектом пространственной экономики в большей степени должны стать непрерывно и последовательно происходящие трансформации (исопутствующие им трансакции) территориальных условий хозяйства в ресурсы, затем факторы и продукты производства, которые, изменяя первоначальные условия, позволяют привлечь новые ресурсы, сформировать факторы и продукты следующих поколений.

Условия хозяйства (C) как экономическая форма требуют раскрытия общих для всех его субъектов внешних природных (C_n) и общественных (C_s) ограничений, выступающих императивной частью экономического пространства. На разных этапах эволюции «той или иной страны существовало множество очень разных и непохожих *обстоятельств*, требовавших для обеспечения стабильности развития общества соблюдения определенных *императивов*. Людям приходилось подчиняться *совокупности условий*, ограничивавших активность производственной или иной деятельности (курсив наш. — Авт.)» [17, с. 209]. Изменение условий, превышающее пороговый уровень допустимых возмущений, выступает внешним импульсом коррекции стратегии развития хозяйственной системы. Наличие условий не могут быть актуально освоены в полном объеме, но освоенные, доступные условия становятся ресурсами, или источниками факторов производства. Если «географическая среда является условием производства, а предмет труда — одним из его элементов» [9, с. 13], то между ними возникает связующее звено — ресурс, который первично освоен, но не стал еще действующим фактором данного процесса.

Ресурсы (R), как природные (R_n), так и общественные (R_s), предстают как экономическая форма источников производственных факторов, реально функционирующих в экономическом пространстве. Необходимо преодолеть сложившееся в *экономике* не критично заимствованное отечественными учеными отождествление ресурсов и факторов производственного процесса (см., например: [3, с. 52]), а также бытовавшее в советской политической экономии понимание ресурсов как используемых и неиспользуемых в производстве факторов (производительных сил), о чем писал Т. С. Хачатуров, отмечая, что ресурсы — это «производительные силы, не вовлеченные в производственный процесс, т. е. потенциальные, неиспользуемые» факторы производства [20, с. 57].

На современном этапе развития экономической науки сложились все предпосылки к отказу от традиционного деления ресурсов на возобновляемые (воспроизводимые) и невозобновляемые. К первым обычно относят трудовые и технические ресурсы, «плодородие почвы, лесные ресурсы, рыбные богатства, богатства фауны и ряд других биологических ресурсов». Вторую группу составляют «вода, земельное пространство, запасы топлива, полезные ископаемые», минеральные ресурсы и др. [6, с. 221]. Данная концепция имеет внутренние противоречия. Полностью исчерпанный ресурс, в соответствии с ней, исчезает как источник факторов в актуальном пространстве и времени хозяйства. Как теперь становится ясным, ресурсы как феномен хозяйства и не должны возобновляться в той трансформационной форме, в которой они были привлечены. Это означало бы простое воспроизводство ресурсов и конец прогресса. Так, «вполне возможно синтезировать или создать химическим путем материалы, которые по своим свойствам могут заменить природное сырье аналогичного

назначения» [6, с. 211]. НТП повышает степень использования известных ресурсов, открывает и привлекает из системных условий хозяйства новые виды, становящиеся источниками факторов производства.

Факторы производства (F_p) как эндогенные действующие силы связаны с насыщением экономического пространства. Это требует пересмотра проблемы оценки богатства и оптимизации размещения производительных сил территории¹.

На территории размещаются производства, в которых факторы взаимодействуют в микроэкономических локусах, и разорвать их комбинацию — означает заблокировать производственные процессы. В географическом пространстве размещаются условия ресурсного хозяйствования, совместно факторы производства формирующие экономическое пространство. При этом размещенные ресурсы могут не перейти из потенциальной формы факторов в реальную, так и не став действующими силами хозяйствования на определенной территории. Тогда в большом географическом пространстве может сформироваться карликовое экономическое. Возникнет противоречие их масштабов, влекущее повышение издержек производства. Разреженность и засоренность экономического пространства может стать для населения обузой или импульсом для будущего изменения экономического пространства под воздействием более активных факторов среды. Размещенные непропорционально факторам условия и ресурсы деятельности могут оказаться выгодными для аллохтонных хозяйственных субъектов, создавая в локусах интенсивный негативный фон по последующей деградации (см.: [10, с. 47–49]). Усиление тенденций национализма, казалось бы, слабосопоставимое с глобализацией, сопряженное «с мобилизацией путем противопоставления «врагу» и осознания исходящей от него угрозы» [2, с. 118], может на какое-то время вызвать оживление хозяйства на территории.

Объектом пристального изучения остается продукт (Q) как результат функционирования экономического пространства. Проблема достоверного измерения валового регионального продукта (ВРП), макрорегионального или мегарегионального (ВМРП) продукта остается нерешенной. Экономическое пространство само может рассматриваться как продукт, поскольку в следствии расширения «искусственного человеческого мира», состоящего из продуктов, воплотив-

¹ Не случайно интерес к соответствующим теоретическим изысканиям, начатым в 1960-х гг. под руководством академика Н. Н. Некрасова, вновь нарастает и уже начинает воплощаться в региональных стратегиях. В частности, разработана Схема развития производительных сил Свердловской области на период до 2015 г.; Волгоградской областной думой в марте 2005 г. принят закон «О размещении производительных сил на территории Волгоградской области»; закон «Об областной целевой Программе развития и размещения производительных сил лесопромышленного комплекса Пермской области» рассмотрен в июле 2005 г. в первом чтении; активно функционирует Межведомственная комиссия по размещению производительных сил на территории Ленинградской области.

ших все бремя человека, оно воссоздается в новом качестве — суже измененными факторами¹, ресурсами и новыми условиями². Реализация продукта возмещает истраченные факторы и ресурсы, приносит доход, делает возможными инвестиции, изменяет условия экономического пространства и формирует его богатство.

Таким образом, функционирование и развитие экономического пространства реализуется как непрерывный кругооборот условий, ресурсов, факторов и продуктов:

$$0 \dots \rightarrow C_0 \rightarrow R_0 \rightarrow F_0 \rightarrow Q_0 \rightarrow C_1 \rightarrow R_1 \rightarrow F_1 \rightarrow Q_{1\dots} \rightarrow C_k \rightarrow R_k \rightarrow F_{k\dots} \rightarrow \infty$$

Это своего рода генетическая программа самоорганизации материального человеческого бытия в координатах определенного пространственно-временного континуума. Исследование эволюции экономического пространства в таких его процессах, как модификация и деградация, трансформации и трансакции, инновации и консервация, приобретает все большее значение в глобализирующемся мире при интенсивном передвижении факторов, захват ресурсов, унификации условий вне бывалых масштабах. Границы, насыщенность, конфигурации экономических пространств при шлив движение...

Законы структуры, внутреннюю логику состояния и ограничения хозяйственной деятельности, спозиций ее взаимодействия с внешней средой, отражает экология. Она призвана изучать связи и отношения эффективногo производства в сфере освоенной природы, вовлеченной в хозяйственный оборот непосредственно или опосредованно, отделенной от всей остальной природы как среда хозяйствования, и тем самым ставшей в внутреннем пространстве хозяйственной системы.

Экология постепенно становится органической «пространственной» частью теории хозяйства, дифференцируя с легших ее оснований наук (биологии, географии, химии и др.) и обогащая свой предмет: «Родившись как чисто биологический термин, оно (слово «экология». — *Авт.*) теперь приобрело значительное более общее звучание. *Экология* — мы понимаем этот термин как обозначение науки, изучающей «собственный дом» во всемоготногo образии. Собственно говоря, такая его интерпретация — это точный перевод греческого» [17, с. 211].

Экологический подход предполагает сохранение в хозяйстве динамическо-

¹ Ведь, «вступая в качестве средств производства в новые процессы труда, продукты утрачивают характер продуктов. Они функционируют... уже только как материальные факторы живогo труда» [15, с. 189–190].

² Продукты «представляют собою не только результат, но в то же время и условие процесса труда» [15, с. 188].

гоустойчивого равновесия между общественной и природной системами, учета экстерналий и интерналий эффектов в их взаимодействии. Природопользование должно быть переосмыслено в пространственной экономике как «основа механизма коэволюции природы и общества», что предполагает «осознание связанности экономических, экологических и социально-культурологических аспектов развития территорий» [1, с. 28]. Хозяйственная система, развиваясь, захватывает среду, которая, в свою очередь, направляет и поддерживает развитие системы, «... поэтому заботы экологов должны распространяться не только на условия, в которых живет человек в природе, но и на условия, в которых человек существует в создаваемой им культуре» [12, с. 92]. В экологическом аспекте пространство существует как таковое только в меру обусловленности хозяйственными взаимодействиями, а экология становится частью теории хозяйства. Пространство содержательно раскрывается через систему выявленных принципов закономерностей его насыщения и опустошения, механизмов установления приоритетов, ориентиров и императивов использования его потенциала. В транзакционном аспекте интересны конструктивные и институциональные решения, успешно апробированные в других странах (см.: [11]).

Постепенно складывается новая парадигма. Экософия, или «мудрость дома», предполагает компаративное познание природы и специфики хозяйствования в рамках конкретного пространства во времени в ретроспективном, актуально и перспективном планах. Закономерно появление на страницах журнала «Пространственная экономика» работ, посвященных осмыслению современного опыта пространственных трансформаций в зарубежных странах и переосмыслению достижений отечественных теоретиков и практиков стратегического планирования территорий (см.: [13; 4]). Экософия раскрывает геоэкологический аспект хозяйственного пространства, фокусируясь на процессах формирования и изменения методологии его познания и осмысления. Центральной проблемой экософии является взаимопреход идеального и материального в эволюции пространства реальной хозяйственной системы, ведь «развитие теории отразило, конечно, развитие самого экономического пространства, формирование пространственных сегментов национальной экономики» [16, с. 8]. Но хотя хозяйственное пространство существует в значительной степени независимо от уровня его осознания, развитие представлений о пространстве человеческого «дома» оказывало существенное влияние на векторы и темпы его трансформации.

Вполне закономерно, что поток специальных исследований в зарубежной науке от отдельных аспектов пространства хозяйственной системы перерос в собою направление, получившее название пространственной экономики (spatial economics). Важно, что это научно-направление начинается и развивается в Рос-

сии, создавая для отечественных ученых ориентиры новых продуктивных движений по пути формирования эффективной модели хозяйственного устройства и развития нашей страны.

Пространственная экономика, по мнению П.А. Минакира, должна расширить предметную область экономической науки исследованиями закономерностей «естественного» и «наведенного» распределения экономических и социальных параметров в пространстве, сущности «пространственной ренты» и особенностей ориентированного на нее поведения людей, формирования и функционирования территориальных социально-экономических сообществ различного масштаба, механизмов и результатов их взаимодействия, формирования пространственно-системного эффекта как результата взаимодействия территориальных социально-экономических систем [16, с. 26]. Но она в настоящее время претендует на статус новой экономической науки.

Новый научный журнал «Пространственная экономика» призван стать генератором импульсов для разработки оригинальных подходов к познанию эволюционной природы и специфики отечественного хозяйственного пространства. Не менее важной функцией журнала является освещение достижений и зарубежных коллег в этой области и их объективно-конструктивно-критичное переосмысление. И, наконец, журнал должен стать местом интеграции и мобилизации передовых интеллектуальных сил страны для ответственного обсуждения всего комплекса проблем, диспропорций и противоречий функционирования и развития экономического пространства современной России.

Насколько осуществимы эти задачи для редкой коллегии и авторов нового журнала, покажет лишь время, и оно для глубокого изучения пространственного развития экономики России уже настало!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакланов П. Я., Каракин В. П., Шейнгауз А. С. Природопользование Дальнего Востока России и сопредельных территорий // *Пространственная экономика*. 2005. № 1.
2. Бляхер Л. Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // *Пространственная экономика*. 2005. № 1.
3. Грант Р. М. Ресурсная теория конкурентных преимуществ: практические выводы для формулирования стратегии // *Вестник СПбГУ. Сер. 8. Менеджмент*. 2003. Вып. 3.
4. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Вопросы экономического районирования: забытые достижения // *Пространственная экономика*. 2005. № 1.
5. Домников С. Д. *Мать-земля Царь-город*. Россия как традиционное общество. М.: Алетей, 2002.
6. Ефимов В. П. *Методологические проблемы экономики ресурсов*. М.: Мысль, 1977.
7. Занг В.-Б. *Синергетическая экономика. Время перемен в нелинейной экономической теории*. М.: Мир, 1999.
8. Иншаков О. В. Потенциал эволюционного подхода в экономической науке современной России // *Экономическая наука современной России*. 2004. № 4.

9. Колесов Н. Д. Закон соответствия производительных сил производственных отношений при социализме. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
10. Королев И. С. Присоединение России к ВТО: последствия для пространственной экономики // Пространственная экономика. 2005. № 1.
11. Краснопольский Б. Х. Опыт пространственной организации управления природопользованием в США // Пространственная экономика. 2005. № 1.
12. Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000.
13. Лунгэнь И. Экономический рост в Китае: пространственно-эконометрический анализ // Пространственная экономика. 2005. № 1.
14. Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб.: Азбука-классик, 2002.
15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. М., 1951.
16. Минакир П. А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. № 1.
17. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998.
18. Социальное время и социальная политика в XXI веке: Специализированная информация. М.: ИНИОН, 2002.
19. Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под общ. ред. Л. И. Абалкина. М.: Экзамен, 2004.
20. Хачатуров Т. С. Советская экономика на современном этапе. М., 1975.